

Рамо Бин
Ях

Случайная
стыковка в
Хитроу

Рамо Ях

Случайная стыковка в Хитроу

<https://litres.ru/74045266>

SelfPub; 2026

Аннотация

В зале ожидания лондонского Хитроу встретились двое: она летела в Нью-Йорк с провалившимся проектом, он — в Сан-Франциско после неудачной выставки. Случайный разговор за остывшим кофе перевернул всё. Она позвала его в Сибирь. Он приехал. Так началась история, где одна случайная стыковка изменила не только две жизни, но и судьбы их будущих детей. Трогательный роман о том, как рискнуть всем ради человека, встреченного в аэропорту, и обрести дом, где тебя ждут.

Содержание

Предисловие	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рамо Бин Ях

Случайная стыковка в Хитроу

Предисловие

Этот рассказ родился из простого вопроса: что, если бы вы опоздали на свой рейс? Что, если бы задержка, которая кажется досадной помехой, на самом деле была подарком судьбы, замаскированным под неудобство?

Мы привыкли думать, что жизнь — это череда запланированных событий. Мы строим маршруты, составляем графики, просчитываем риски. Но самое важное случается именно тогда, когда планы рушатся. Когда самолёт задерживается, когда случайный стул рядом оказывается единственным свободным, когда незнакомец заговаривает с вами в очереди за кофе.

Эта история — о такой случайности. О двух людях, которые встретились в лондонском аэропорту Хитроу в тот

самый момент, когда оба были уверены, что их жизнь уже определена. Она летела в Нью-Йорк с проектом, который никто не хотел финансировать. Он возвращался в Сан-Франциско с выставки, которая не принесла удовлетворения.

У них были разные континенты, разные языки, разные судьбы.

Но у них был один свободный стул.

И они решили сесть рядом.

История, которую вы прочитаете, — это не просто романтический рассказ. Это история о том, как случайность становится судьбой, если не бояться сказать «да». О том, как любовь может вырасти из ничего — из остывшего латте, из трёхчасовой задержки, из разговора, который мог бы не состояться.

Это история о Сибири и Калифорнии, о Енисее и лондонском дожде, о фотографиях, которые становятся жизнью, и о жизни, которая становится искусством.

Но главное — это история о семье. О том, что семья — это не только кровное родство. Это выбор, который мы делаем каждый день. Это люди, рядом с которыми мы хотим

стареть, смотреть на одну и ту же реку и вспоминать, как всё начиналось.

И всё началось с одной случайной стыковки в Хитроу.

Глава 1

Лондонский аэропорт Хитроу гудел, как улей в разгар лета. Анна стояла у окна терминала 5, сжимая в руках чашку остывшего латте с горьковатым привкусом разочарования. Её рейс из Москвы задержался на четыре часа — типичная история для перелёта через Европу в пятницу. Она прилетела в Лондон по работе, чтобы обсудить новый туристический проект для сибирских маршрутов с требовательным британским инвестором, но переговоры прошли вяло, и теперь она просто ждала стыковки в Нью-Йорк, где её ждала встреча с партнёрами из компании.

За окном мелкий английский дождь косился по взлётной полосе, размазывая краски заката. В голове крутились мысли о доме, о заснеженных лесах Красноярского края, о том, что она уже полгода не видела подруг, о постоянных отказах мамы понять, почему дочь летает по миру вместо замужества. На запястье тикали дорогие часы — подарок от бывшего, который так и не научился её слушать.

Вдруг чей-то голос прервал её размышления, окрашенный лёгким американским акцентом: "Извините, это ваше место?"

Анна обернулась и встретила взглядом с парнем лет тридцати, с тёмными волосами, слегка растрёпанными от путешествия, с трёхдневной щетиной и огоньком живого ума в карих глазах. Он носил странный на первый взгляд комплект — белый, явно дорогой деловой костюм с ослабленным галстуком и потёртый рюкзак фотографа через плечо, покрытый стикерами городов: Токио, Стамбул, Барселона, Москва.

"Алекс", — сказал он, протягивая руку. Она узнала позже, что он летел из Токио в Сан-Франциско, где его фотографии буквально на этой неделе выставили в галерее в районе Soma. Его рейс тоже задержали на три часа, и единственный свободный стул в зале ожидания был рядом с ней.

Они разговорились случайно — с того уровня светской беседы, который рождает аэропортная скука. О погоде, о бессмысленных объявлениях по громкой связи на трёх языках, о том, как Хитроу спроектирован как лабиринт для туристов. Анна пошутила про "британский туман, который крадёт не только время, но и надежду", а Алекс рассмеялся так искренне, что соседи обернулись, показав идеальную улыбку, которая скрывала за собой историю разочарований.

"Я из Калифорнии, — сказал он, — родился в Сан-Франциско, но вырос в Лос-Анджелесе. Работаю фотографом уже пятнадцать лет. Только что вернулся с выставки в Токио — мои снимки борются за премию в архитектурной фотографии. Он помолчал, рассматривая её. "А вы? Выглядите как человек, который не просто живёт, а знает толк в приключениях. И да, видно, что вы одна в пути".

Анна неловко рассмеялась. "Так очевидно?"

"На запястье часов нет следов второго колечка, в телефоне вы проверяли сообщения как человек, который ищет одобрения, а не ждёт кого-то. Плюс, в сумке у вас три путеводителя, но ни одного романа". Он подмигнул. "Фотограф видит детали".

Она рассказала ему о своём проекте — разработке туристических троп для хайкинга в Сибири, о реках, которые кипят жизнью, о тайге, где телефон ловит сигнал разве что в снах. О том, как она четыре года уговаривала инвесторов, что это не сумасшествие, а тренд. О том, как устала продавать свою мечту на презентациях.

Он показал ей фото на телефоне: закаты над Фудзиямой, размытые и недостижимо прекрасные; уличные рынки То-

кио в 4 утра; портреты незнакомцев, в которых была вся история их жизней. Одна фотография особенно поразила Анну — старая женщина в метро со слезинкой на щеке, её рука держала букет мёртвых цветов.

"Это моя история", — сказал Алекс тихо. "Мама. Она так и не увидела мою первую выставку. И я понял, что если всегда жду понедельника, чтобы начать жить, то пропущу всю жизнь".

Часы пролетели незаметно, как в хорошем кино. Они обсуждали искусство, путешествия, философию жизни, которую можно поместить в рюкзак. Дождь за окном усилился, превратившись в настоящий ливень, и аэропорт объявил о новой задержке — на два часа. "Давай хотя бы кофе возьмём нормальный", — предложил Алекс, "а то я снова задремлю на полу, как в Бангкоке", — и они направились к кофейне в углу зала, где работала полусонная итальянка с историей в глазах.

Там, за стойкой с видом на хаос багажных тележек и бесконечные потоки людей, разговор стал глубже, как скважина, достигающая коренной породы.

Анна рассказала ему о том, о чём не рассказывала даже подругам. Что устала от рутины офисов, где люди, казалось,

жили чужой жизнью. Что мечтает о путешествиях без графиков, когда можно провести неделю в одном месте и просто смотреть на него, без фото в Instagram. Что её мама звонит каждый понедельник, спрашивая, "когда же уже внуки", и это звучит как приговор.

"Я тоже", — кивнул Алекс, помешивая американо. "После развода два года назад понял, что жизнь слишком коротка для 'потом'. Жена говорила, что я люблю миры больше, чем людей. И она была права. Я был занят золотой клеткой Сан-Франциско, деньгами, статусом фотографа-класса-люкс, и забыл, зачем я вообще начал снимать — просто от радости видеть красоту".

Он взял её за руку через стол. Это была не праздная фраза, не флирт. Это была исповедь.

"А здесь, в этом аэропорту, всё как в фильме Кима Олдена, Знаешь? Случайная встреча, и бац, мир переворачивается. И вдруг понимаешь, что всё, что тебя привело сюда в этот конкретный момент, в эту конкретную кофейню, рядом с конкретным человеком, — это не случайность".

Их руки соприкоснулись дольше, чем нужно было бы. Искра — буквальная, физическая искра. Анна почувствовала тепло, которого не ждала и даже не искала. Это было похоже

на то, как резко включают свет в тёмной комнате и видишь, что ты не одна.

Они обменялись историями, как люди, которым нечего терять. О первых поцелуях в 16 лет под мостом и в калифорнийском кино. О потерянных чемоданах с дорогой техникой и спасительной посадке на новый рейс. О странных попутчиках — пьяном испанце, который пел оперу на борту, и китайском монахе, который медитировал в очереди на таможне.

Они смотрели друг другу в глаза, и Анна чувствовала, как разваливается её привычная жизнь, как кукла из песка при приливе.

Когда объявили посадку, сердца сжались физически, как в груди перевернули камень.

"Мой рейс через час", — вздохнула она. "А потом Атлантика между нами. И мы вернёмся к нашим жизням, и это будет... ещё одна красивая история из путешествия".

Алекс встал, посмотрел ей в глаза с серьёзностью человека, который уже потерял всё важное.

"Нет". Он достал из рюкзака кожаный блокнот, вырвал листок и написал что-то быстро, почти неразборчиво. "Послу-

шай. Я гуглил твои места. Красноярск. Столбы. Енисей. И я понял, что это именно то, что я ищу последние пять лет. Я хочу туда. И я хочу туда не с агентством и не с туристической группой. Я хочу туда с тобой".

Он достал ещё что-то из рюкзака — странный подарок, напечатанный фото его собственной работы: сибирская тайга в золотом закате, река, отражающая небо, и одинокая фигура человека на берегу. "Я снимал это три года назад. Я был там один. И я понимал, что мне не хватает того, с кем бы это разделить".

Анна улыбнулась, её глаза блестели слезами, которые она не ожидала. "Ты сумасшедший".

"Полностью", — согласился Алекс.

Они поцеловались у гейта — не коротко, а долго, страстно, глупо, под гул самолётов, запах дождя и кофе, под осуждающими взглядами пожилой пары и восхищением японской туристки, которая начала их снимать.

Рейсы разлетелись в разные стороны — её на север к Нью-Йорку, его на запад к Сан-Франциско. Но сообщения полетели сразу, ещё когда самолёты поднимались в небо:

"На высоте 10 км и думаю о земле, где ты".

"Я готова. Приезжай в сентябре".

"Я буду там в сентябре".

Через месяц — не год, не полгода, а именно через месяц, потому что время имеет значение — Алекс был в аэропорту Емельяново. Его рюкзак был набит объективами, а сердце — надеждой.

Они гуляли по Красноярским столбам, где гранитные скалы рассказывали истории миллионов лет, по набережной Енисея, где вода была холоднее любого страха, через архитектурные проспекты города, где Сибирь встречалась с будущим.

Алекс снимал, конечно. Его серия "Енисей и она" позже выиграла премию на международной выставке. Но самая важная фотография никогда не была выставлена — Анна в его футболке на рассвете, волосы растрёпаны, улыбка нечеловеческой красоты, и надпись на полях: "Хитроу стал нашим личным началом — местом, где случайность превратилась в судьбу, а две одинокие жизни стали одной историей".

Глава 2

Сентябрь в Сибири обманчив. Первые недели казались

идеальной иллюзией: золотая лиственница, хрусталь Енисея и бесконечные разговоры на кухне маленькой, но уютной квартиры Анны, где пахло свежесваренным кофе и кедровыми орехами. Алекс был счастлив. Он снимал всё: как Анна смеётся, пытаюсь завести старую «Ниву», как туман ползёт по Столбам, как она спит, поджав ноги, укрывшись пледом с оленями.

Но октябрь принёс с собой не только первые снега, но и суровую реальность, которую не отфильтровывал объектив фотокамеры.

Романтика таёжных прогулок разбилась о быт и бизнес. Проект Анны, который она так страстно отстаивала в Лондоне, буксовал. Британские инвесторы, с которыми она провела те самые вялые переговоры, требовали гарантий и конкретных сроков прокладки эко-троп. Местные чиновники чинили препятствия, а подрядчики срывали сроки, ссылаясь на раннюю распутицу.

Алекс же начал задыхаться. Не от Анны — он любил её с той самой, хитроуской, отчаянной нежностью. Он задыхался от замкнутости пространства, от того, что его камера, привыкшая к просторам и свету, теперь чаще лежала в кофре, потому что на улице было серо, холодно и слякотно.

Однажды вечером, когда Анна в третий раз за ночь нервно ходила по комнате с телефоном, пытаясь уговорить поставщика оборудования из Новосибирска, Алекс сидел за ноутбуком. На экране светилось письмо от его агента из Сан-Франциско.

«Алекс, серия "Енисей" — это разрыв. Галерея в Soma хочет организовать ретроспективу в декабре. Но нам нужно тебя здесь. И нам нужны новые работы. Мир хочет видеть твоего "дикого русского медведя", но мы не можем вечно продавать им только тайгу. Возвращайся».

Алекс закрыл ноутбук. Анна положила трубку, провела ладонями по лицу и тяжело вздохнула.

— Они могут заморозить финансирование до весны, — глухо сказала она. — Если это случится, проект умрёт. Я потратила на него четыре года, Алекс. Четыре года.

Он подошёл к ней, обнял за плечи, чувствуя, как она напряжена, как струна.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал он, но в голосе не было той калифорнийской беспечности, которая была в Хитроу.

— «Мы», — горько усмехнулась она, отстраняясь. — Ты уедешь в декабре. В тёплую Калифорнию, на вернисажи, где будут подавать вино и говорить о высоком искусстве. А я

останусь здесь, в минус тридцати, доказывать людям, которые видят в Сибири только нефть и газ, что здесь ещё есть жизнь.

— Анна, это нечестно, — Алекс нахмурился. — Я здесь. Я с тобой.

— Ты здесь, потому что тебе интересно! — выпалила она, и тут же зажмурилась, понимая, что сделала ему больно. — Прости... Я просто устала. Я боюсь, что для тебя это всё — красивый этюд. А для меня — это жизнь.

Повисла тишина, в которой звучало только тиканье тех самых часов на её запястье. Подарок бывшего, который не умел слушать. Алекс посмотрел на эти часы, потом на её уставшие глаза, и вдруг отчётливо вспомнил фотографию в токийском метро. Старую женщину с мёртвыми цветами. Ожидание понедельника, который никогда не наступает.

— Мне нужно уехать на неделю, — тихо сказал Алекс.

Анна кивнула, отворачиваясь к окну, за которым мело первым мокрым снегом. Она не плакала, но её спина казалась бесконечно одинокой.

Алекс улетел не в Сан-Франциско. Он купил билет до Абакана, а оттуда добирался на попутках до дикого горного кластера Ергаки. Анна поехала туда тремя днями ранее —

на встречу с ключевым партнёром, владельцем базы, от которого зависело согласие на прокладку маршрута. Связи в горах не было.

Алекс тащил свой рюкзак, покрытый теперь не только стикерами Токио и Стамбула, но и свежим, грязным снегом Саян. Ветер пробирал до костей, а в голове крутилась одна мысль: его жена была права, он любил миры больше, чем людей. Но он понял и другое: мир без Анны был просто пустым пейзажем. Красивым, но мёртвым. Как те цветы на фото.

Он нашёл её на базе, в промерзшем деревянном доме, где пахло дровами и сыростью. Она сидела у буржуйки, укутавшись в свитер, и смотрела в огонь. Партнёр так и не дал однозначного ответа, сославшись на то, что «городские туристы не выживут здесь зимой, а инвесторы испугаются».

Алекс сел рядом на корточки. Он достал из рюкзака не камеру, а планшет и ноутбук, которые таскал с собой последние две недели, работая по ночам, пока она спала.

— Посмотри, — сказал он, разворачивая экран.

Анна подняла глаза, не веря тому, что видит. Это были не художественные фотографии. Это была аэросъёмка с дрона, смонтированная в интерактивную 3D-карту.

— Я облетел всё ущелье, — голос Алекса хрипел от холо-

да и волнения. — Я наложил маршруты. Здесь можно проложить зимнюю тропу для снегоступов, здесь — базу для глэмпинга с панорамными окнами на хребет Звёздный. Я сделал визуализацию. Не для инвесторов. Для людей. Для тех, кто боится. Я показал, что это не опасно. Это волшебно.

Анна смотрела на экран, где суровые Саянские скалы в его обработке выглядели не как враждебная стихия, а как колыбель мира. Она посмотрела на него — с обветренным лицом, с растрёпанными волосами, с глазами, в которых горел тот самый огонь из Хитроу.

— Ты пропустил вернисаж, — прошептала она.

— К чёрту вернисаж, — Алекс взял её ледяные руки в свои. — Я понял одну вещь в этом аэропорту. Случайность — это когда тебя заносит в Нью-Йорк. А судьба — это когда ты сам выбираешь, где твой Енисей. Я не хочу снимать миры, Анна. Я хочу снимать твой. И строить его. Вместе с тобой.

Она уткнулась лицом ему в плечо, и наконец-то позволила себе заплакать. Не от отчаяния, а от облегчения. От того, что камень, перевернувшийся в груди в терминале 5, наконец-то упал на своё место.

Через год в самом центре Красноярска, в пространстве бывшего завода, открылась выставка. Она не называлась

«Енисей и она». Она называлась «Точка сборки».

На стенах не было просто красивых пейзажей. Это был мультимедийный проект, где фотография Алекса переплеталась с историями людей, картами маршрутов и звуками таёжного леса. Инвесторы, те самые британские, стояли в первых рядах, очарованные не только цифрами в бизнес-плане Анны, но и той магией, которую удалось запечатлеть американец, влюбившийся в Сибирь.

Алекс стоял в углу зала, держа бокал с шампанским, и смотрел на Анну. Она говорила с журналистами, сияя, уверенная, живая. На её запястье больше не было дорогих часов от бывшего. Там теперь был тонкий браслет из Саянского мрамора, который он выточил для неё своими руками в долгие зимние вечера.

Он достал свой старый кожаный блокнот, тот самый, из Хитроу. На последней странице была вклеена та самая фотография — Анна в его футболке на рассвете. Но рядом он дописал новую строчку, уже не для себя, а для неё:

«Мы думали, что летим в разные стороны, чтобы найти себя. Но оказалось, что все рейсы мира ведут только к одному человеку».

Алекс закрыл блокнот, улыбнулся и пошёл сквозь толпу к женщине своей жизни, зная, что их главный маршрут только начинается. И никакой туман, ни английский, ни сибирский, больше не был ему страшен.

Глава 3

Сибирский лед и калифорнийское солнце

Они поженились в марте, когда снег в Красноярске ещё лежал сугробами, но солнце уже начинало пригревать по-весеннему. Церемония была странной и прекрасной: загс на проспекте Мира, где Алекс в своём белом костюме (том самом, из Хитроу, который он чудом сохранил) выглядел как пришелец с другой планеты, а Анна в простом шерстяном платье цвета таёжного мха — как коренная сибирячка, принимающая в свой мир чужака.

Мама Анны плакала. Но уже не от отчаяния, что дочь не вышла замуж, а от счастья. Она вручила Алексу семейную реликвию — старый серебряный крестик, который, по легенде, спасал путешественников в дороге. Алекс, выросший в мультикультурной Калифорнии, принял подарок с такой серьёзностью, что даже мама, всю жизнь скептически относившаяся к «иностранцам», смягчилась.

— Он странный, — сказала она Анне после свадьбы, — но он смотрит на тебя так, как будто ты — вся его вселенная. Это дорогого стоит.

Первое лето после свадьбы было сказочным. Проект «Енисейские тропы» наконец-то получил финансирование. Анна носилась между Красноярском, Москвой и стройплощадкой в Ергаках, а Алекс документировал каждый этап. Его снимки — рабочие, застывшие на фоне рассвета над хребтом, брёвна, сложенные в сруб будущего гостевого дома, Анна в каске с картой в руках — расходились по сети с вирусной скоростью.

К осени у них появились первые туристы. Не миллионеры из списка Forbes, как мечтали инвесторы, а обычные люди — студенты из Новосибирска, семейная пара из Томска, программист из Санкт-Петербурга, который хотел отдохнуть от экранов. Они шли по тропам, которые Анна прокладывала четыре года, и останавливались у видовых точек, которые Алекс выбрал для фотографий.

Всё шло хорошо. Слишком хорошо.

Ноябрь ударил морозами под минус сорок. Анна слегла с жесточайшей простудой, перешедшей в воспаление лёгких. Врачи сказали — стресс, перегрузка, сибирский климат, ко-

торый не прощает слабости. Её положили в краевую больницу, и Алекс впервые за долгое время почувствовал настоящий страх.

Он сидел в пластиковом кресле у её палаты, сжимая в руках стаканчик с остывшим чаем, и смотрел на белую дверь. В голове билась одна мысль: я привёз её сюда? Я заставил её работать до изнеможения? Я, со своей идеей, что мы можем всё?

Он позвонил в Сан-Франциско. Агенту. Другьям. Бывшей жене, как ни странно. И все они говорили одно и то же: «Алекс, у тебя там нет нормальной медицины. Вези её сюда. Мы найдём лучших врачей. Ты же не хочешь её потерять».

Но когда Анна пришла в себя и увидела его осунувшееся лицо, она улыбнулась той самой улыбкой, из Хитроу — горьковатой, но тёплой.

— Ты чего такой кислый? — прошептала она осипшим голосом. — Я не собираюсь умирать. У меня контракт с инвесторами на пять лет. Я обязана отработать.

— Анна, — он взял её руку, худую, с капельницей, — я не могу тебя здесь оставить. Если ты...

— Если я — что? — перебила она. — Алекс, я родилась в этом городе. Я выжила в девяностые, когда денег не было даже на хлеб. Я пережила развод родителей, переезды, предательство бывшего парня. И ты думаешь, какой-то сибирский грипп меня свалит?

Она говорила с жаром, но потом закашлялась, и Алекс подал ей воды. В палате пахло лекарствами, за окном мела метель, и этот запах — лекарств и страха — остался с ним надолго.

В тот вечер он принял решение. Он продал свою квартиру в Сан-Франциско — ту самую, с видом на мост Золотые Ворота, которую копил пятнадцать лет. Деньги он вложил в проект и в строительство небольшого дома на берегу Енисея, в двадцати километрах от города.

— Ты сошёл с ума, — сказала Анна, когда он показал ей документы. — Твоя квартира... Ты мог бы вернуться в любую минуту.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Алекс. — Я хочу быть здесь. Я хочу, чтобы у нас был дом. Не точка на карте, а место, куда мы возвращаемся. И я хочу, чтобы ты перестала бояться, что я улечу в Калифорнию при первой проблеме.

Она долго смотрела на него, а потом расплакалась. Второй раз на его памяти.

— Я боюсь не того, что ты улетишь, — сказала она тихо. — Я боюсь, что однажды ты проснёшься и поймёшь, что всё это — не твоя жизнь. Что ты застрял здесь, в холоде, ради меня. И возненавидишь меня за это.

Алекс обнял её — осторожно, потому что она ещё была слаба после болезни.

— Я фотограф, Анна. Я всю жизнь искал идеальный кадр. И я его нашёл. Он не в Токио, не в Барселоне и даже не в Сан-Франциско. Он здесь. Ты говорила, что случайность в Хитроу — это судьба. Так давай не будем её предавать.

Зима в новом доме была испытанием. Старенький котел ломался дважды, вода в трубах замерзала, а снег заметал дорогу так, что приходилось ждать трактор, чтобы выбраться в город. Но Алекс впервые в жизни чувствовал, что живёт по-настоящему.

Он научился колоть дрова. Он научился водить «Ниву» по зимнику. Он научился различать следы зверей на снегу и ставить капканы (хотя так и не смог застрелить ни одного зайца — сердце не позволило). Он снимал всё — но теперь

это были не просто фотографии для галерей. Это была его жизнь.

Весной, когда лёд на Енисее тронулся, они стояли на обрыве и смотрели, как гигантские глыбы с грохотом плывут по реке. Анна прижималась к нему, укутанная в пуховик, и улыбалась.

— Знаешь, о чём я думаю? — спросила она.

— О том, что мы сумасшедшие, что купили дом на берегу реки, которая каждую весну пытается нас смыть?

— Нет. — Она повернулась к нему. — Я думаю о том, что если бы мой рейс в Хитроу не задержали, если бы ты не подошёл к моему стулу, если бы я ответила «нет» на вопрос «это ваше место?» — мы бы никогда не стояли здесь. И это было бы самой большой потерей в моей жизни.

Алекс поцеловал её. Губы были холодными, но внутри всё горело.

Через месяц они открыли второй сезон «Енисейских троп». Туристов стало больше — сарафанное радио работало лучше любой рекламы. Алекс запустил онлайн-курс по фотографии для местных ребят — бесплатно, просто пото-

му что хотел, чтобы они видели красоту своего края. А Анна наконец-то выдохнула: проект вышел в ноль и начал приносить прибыль.

Но главное — они были вместе.

Вечером, сидя на веранде с видом на закат над тайгой, Алекс достал свой старый кожаный блокнот. Он открыл страницу, где когда-то написал: «Хитроу стал нашим личным началом». И дописал внизу:

«Но настоящее началось здесь. В доме, который мы построили. В реке, которая нас научила смирению. В морозах, которые нас закалили. И в глазах женщины, которая не побоялась сказать «да» человеку с рюкзаком и камерой».

— О чём пишешь? — спросила Анна, выходя на веранду с двумя кружками горячего чая.

— О нас, — ответил он просто.

Она села рядом, положив голову ему на плечо. Где-то вдалеке ухал филин, а по реке плыла последняя льдина уходящей зимы.

И это был идеальный кадр.

Глава 4

Лето выдалось жарким. Не по-сибирски, а по-калифорнийски — солнце плавало асфальт на набережной, и даже Енисей, казалось, тек медленнее, лениво перекачивая нагретую воду. Алекс лежал в гамаке между двух сосен на их участке, лениво щёлкая затвором камеры, ловя кадры, как стрекоз в банку: бабочка на цветке иван-чая, Анна, поливающая грядки с зеленью в смешной соломенной шляпе, их пёс Тайгаш — помесь лайки и дворняги, подобранный щенком на стройке, — гоняющийся за собственным хвостом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.